

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Сергея Геннадьевича
КОРОСТЕЛЕВА «Журнал «Летопись» (1915 – 1917) и газета
«Новая жизнь» (1917 – 1918) в историко-культурном
контексте», представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.01.10 –
журналистика**

Признаюсь сразу: диссертация Сергея Геннадьевича Коростелева представляется мне бесспорным достижением автора, что отчасти было предопределено удачным выбором темы. Ее актуальность не подлежит сомнению. Однако отечественные литературоведы долгое время не могли полноценно раскрывать эту тему, поскольку сакральная фигура «великого пролетарского писателя» М. Горького в данном случае представала совсем не в выгодном для советской идеологии свете. Западных же исследователей, как правило, отвращала сама «советская» ангажированность Горького. Диссертант и его научный руководитель прозорливо заметили в истории русской литературы значительную лакуну и не преминули воспользоваться случаем, чтобы ее заполнить.

В диссертации С. Г. Коростелева мы не найдем пространных и необязательных рассуждений общего порядка. Предоставленное ему научное пространство диссертант использует сверхрационально. Опираясь на газетные и журнальные публикации 1916 – 1918 гг., а также на исследования предшественников и архивные материалы (что отметим особо!), он излагает историю журнала «Летопись» и газеты «Новая жизнь», характеризует их тематические рубрики, приводит (иногда – уж слишком лапидарные) сведения об авторах и редакторах журнала и газеты, предоставляет читателю диссертации возможность ознакомиться с реакцией современников на публикации «Летописи» и «Новой жизни». Завершается диссертация раскрытием псевдонимов авторов и весьма квалифицированной росписью содержания журнала «Летопись».

Уверен, что ни один серьезный ученый, который захочет написать о «Летописи» и «Новой жизни», а также о биографии Горького предреволюционного и пореволюционного периода (1916 – 1918 гг.), не сможет теперь обойтись без многочисленных обращений к рецензируемой работе.

Как и всякая диссертация, исследование С. Г. Коростелева не свободна от недочетов и недостатков, к перечислению которых и перехожу.

Первый из них и самый существенный, как водится, проистекает из (уже отмеченных нами) достоинств: автор настолько последовательно избегает в своей диссертации «общих слов», что иногда из его исследования вытраиваются совершенно необходимые для работ подобного рода элементы анализа очень яркого материала. Жест: «Вот вам кропотливо отысканные мною факты, а выводы уж делаете сами» эффектен, но не всегда, как нам кажется, оправдан. Хотелось бы пожелать С. Г. Коростелеву, чтобы при переработке своей диссертации в монографию (а это, несомненно, следовало

бы сделать), он бы чуть больше внимания уделил именно анализу (не пересказу!) замечательно подобранных им сведений.

Нам показалось не вполне уместным внезапное вторжение оценочности в научную работу на стр. 54 – 55. Мы имеем в виду тот пассаж диссертации С. Г. Коростелева, где говорится о том, что в «Летописи» печаталось несколько писателей «первого ряда» (И. Э. Бабель, И. А. Бунин, В. В. Маяковский) и несколько – «второго» (М. М. Пришвин и В. Я. Шишков). А кто, собственно, определяет, в каком ряду должен быть представлен тот или иной писатель? Почему, например, Пришвин помещен во второй ряд, а дебютант Бабель (о чем сам С. Г. Коростелев, разумеется, пишет в своей диссертации) – в первый? С другой стороны, утверждая, что рассказы Бабеля «“Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна” и “Мама, Римма и Алла” до сего дня малоизвестны» (стр. 55), автор диссертации тоже не вполне точен. Почему «малоизвестны», если их включают во все, хоть сколько-нибудь представительные сборники прозы Бабеля и в его собрания сочинений? Вероятно, С. Г. Коростелев хотел сказать «малоизучены».

И тут мы плавно переходим к еще одному недостатку его работы, от которого несвободны почти все кандидатские диссертации. Речь идет о выверенности формулировок, о научном языке диссертации. Приведем тут еще один пример не вполне внятного высказывания из диссертации: «Называя Горького своим учителем, именно в “Летописи” Гладков дебютировал на страницах большой столичной прессы с рассказом “Единородный сын”» (стр. 65). Здесь плохо пригнаны друг к другу части предложения. Должны признаться, что слегка резанул наш, возможно, излишне придирчивый слух, следующий пассаж диссертации: «Горький прочил Маяковскому большое будущее, считая его талантливейшим поэтом» (стр. 57), ведь употребление экзотического эпитета «талантливейшего», да еще при разговоре о Маяковском, неизбежно вызывает в памяти совершенно ненужную в данном случае ассоциацию со знаменитым высказыванием И. В.

Сталина об авторе поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи».

Нужно, впрочем, отметить, что в целом язык диссертации точен и выверен.

Из библиографических упущений работы С. Г. Коростелева отметим методологически важную статью: *Сегал Д. М.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати // *Минувшее*. Вып. 3. М., 1991.

Совершенно искренне в данном случае воспользуюсь дежурной формулой: «Все высказанные претензии сделаны в порядке дискуссии и не снижают нашего общего, очень хорошего впечатления от диссертации С. Г. Коростелева».

Автореферат полно отражает содержание диссертации; публикации соответствуют ее теме.

По объему вводимого в научный оборот материала и высокому профессиональному уровню исследования диссертация Сергея Геннадьевича Коростелева отвечает всем требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям по специальности 10.01.10, в соответствии с п.8 Положения ВАК РФ о кандидатских диссертациях. Автор работы, Сергей Геннадьевич Коростелев, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук.

д. ф. н., профессор школы филологии факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ

Олег Андершанович Лекманов

30 апреля 2015 г.

